

Юмор в контексте развития

Автор: Домбровская Иоланта Станиславовна

Т/О "НЕФОРМАТ" Издат-во Accent Graphics Communications, Montreal, 2014
Электронное издание

Аннотация:

В жанре метатеории рассматриваются принципы развития человека. Теория развития выстраивается через анализ юмора в культурогенезе и онтогенезе. Исследование ведется в русле культурно-исторической психологии. Предлагается система уровневого анализа Бытия человека и межуровневых механизмов регуляции Бытия, которая в совокупности представляет собой модель существования развивающегося человека. Анализируется роль юмора в компенсации дефицита способностей к саморегуляции в психопатологии и в личностном развитии, механизмы трансляции юмористического настроения, механизмы национальной идентификации посредством юмора, принципы влияния посредством юмора. Через анализ словоупотребления представляется специфика развития юмора в русской, белорусской и польской поэзии. Обосновывается необходимость выделения в рамках культурно-исторической парадигмы психологии особого эволюционно-деятельностного подхода.

В приложении представлены программа группы встреч «Развитие через юмор» и тесты-упражнения для самооценки и развития юмора.

Адресаты книги: психологи, а также методологи, философы, культурологи, социологи, филологи, педагоги, психиатры, политологи, дипломаты, тренинг-менеджеры, и все интересующиеся проблемой развития и проблемой юмора.

Оглавление.

Введение.....	
Глава 1. Методологический анализ подходов к изучению юмора.....	
1.1. Теоретико-методологическое исследование феноменологии юмора....	
1.1.1. Исторический анализ контекстов исследования юмора в философии...	
1.1.2. Логический анализ подходов к изучению юмора в психологии.....	
1.2. Теоретический анализ проблемы юмора.....	
1.2.1. Юмор как психологическое орудие личностной регуляции.....	
1.2.2. Юмор как межуровневая эмоция.....	
Заключение по главе 1.....	
Глава 2. Психологический анализ культурогенеза юмора.....	
2.1. Стадии и механизмы развития юмора как высшей психической функции..	
2.2. Эволюция подсознательного образа юмора в культурном развитии.....	
2.3. Рефлексивные представления о юморе в современной культуре.....	
Заключение по главе 2.....	
Глава 3. Личностная регуляция Бытия посредством юмора.....	
3.1. Развитие уровневого строения системы регуляции.....	
3.2. Психологические механизмы развития и патологизации чувства юмора...	
Заключение по главе 3.....	
Глава 4. Роль юмора в психической патологии, реабилитации и личностном развитии.....	
4.1. Анализ феноменологии юмора в норме и патологии.....	
4.2. Компенсаторная роль юмора в личностной регуляции.....	
4.3. Юмор как средство саморегуляции.....	
4.4. Личностное развитие посредством юмора в онтогенезе.....	
Заключение по главе 4.....	
Глава 5. Закономерности развития и социализации юмора в культуре.....	
5.1. Слово как психологическая единица анализа текста.....	

5.2. Сравнительный анализ развития юмора в русской, белорусской и польской поэзии.....	
5.3. Тенденции развития юмора в молодежной культуре.....	
Заключение по главе 5.....	
Глава 6. Юмор как средство влияния личности на социальные процессы.....	
6.1. Юмор на разных уровнях социальных настроений.....	
6.2. Юмор как настроение идеального уровня Бытия.....	
6.3. Влияние посредством юмора на разных уровнях Бытия.....	
Заключение по главе 6.	
Глава 7. Юмор как средство развития национальной идентичности.....	
7.1. Национальная идентичность на разных уровнях Бытия.....	
7.2. Юмор как средство развития национальной идентичности	
7.3 Сравнительный анализ национального своеобразия тематики юмора.....	
Заключение по главе 7.....	
Глава 8. Эволюционно-деятельностная интерпретация юмора	
8.1. Предпосылки и перспективы эволюционно-деятельностного подхода....	
8.2. Развитие как методологический принцип и личностная задача в эволюционно-деятельностном подходе	
8.3. Юмор как ноотехника развития личности	
Заключение по главе 8.	
Выводы.....	
Литература.....	
<hr/>	
Приложение 1. Группы встреч «Развитие через юмор».....	
Приложение 2. Развитие юмора через тестирование	
Приложение 3. Реферат организационно-информационного проекта «Развитие через юмор» (номинант конкурса «Золотая психея» 2012 г.).....	

Предисловие.

Прежде, чем читатель перейдет к тексту книги, я хочу поблагодарить его за то, что он открыл эту книгу, и предупредить, что чтение не всегда будет легким потому, что я стремилась развивать не самоочевидные истины. Выражаю надежду что, несмотря на шерховатость стиля, читатель сможет приобщиться к поиску путей и средств развития личности, общества и науки, найти которые я пытаюсь много лет. Не все идеи о юморе и развитии раскрыты в полной мере, но это обусловлено тем, что современное состояние научного знания не имеет ресурсов достаточной доказательности гуманитарной мысли, хотя позволяет выдвигать новые идеи и гипотезы на будущее. Юморологам приношу извинения, если их работы не нашли полного отражения в книге, хотя я стремилась к максимальному охвату работ по юмору, но их так много, что все даже невозможно знать. Методологов же прошу видеть методологию не только в выводах, но как стержень всего исследования. Благодарю всех тех, кто дарил мне полезные книги, задавал вопросы и прошу прощения за то, что не все отражено в полной мере. В основу книги легла диссертация «Юмор как психологическое орудие личностной регуляции», которую консультировал доктор психологических наук, профессор МГУ им. Ломоносова Д.А.Леонтьев.

Буду рада, если моя книга вызовет ассоциации с контекстом научной деятельности или жизни читателя и поможет глубже понять проблемы юмора, развития, научной интерпретации феноменологии Бытия и приобщит к поиску средств развития. Сознаюсь, что при написании книги в своих мыслях держала некий праобраз психологии развивающегося человека, и эту книгу считаю введением в такую психологию.

Иоланта Домбровская,

Психолог, выпускница МГУ 1992 года.

Гродно, 14 августа 2014 года.

joladom@yandex.by

Введение.

Юмор все более укореняется в современной культуре (СМИ, реклама, досуговые формы культуры), становится ценностью массовой культуры, регулятором социальной и индивидуальной жизни, средством развития и саморазвития личности и средством влияния на общество. Такой социальной ситуацией вызвана социальная актуальность всех научных исследований юмора.

Научная же ситуация в исследованиях юмора характеризуется следующим образом: рост числа междисциплинарных исследований юмора достиг того, что можно говорить об отдельной науке «юморологии», как ее назвал М.Апт (The primer of humor research, 2008, p.6), однако осмысление природы юмора, его роли и места в жизни человека недостаточно. Так, в психологии не проделан категориальный анализ понятия юмора, не написана история развития способности к юмору в ходе культурогенеза, не понята и не объяснена сущность юмора. Хотя во всем мире налицо неуклонный рост исследований по теме юмора, большинство из них посвящены частным и специализированным проблемам, затрагивают проблему юмора в контексте других проблем. Тема юмора не была магистральной темой для классической психологии, ей уделяли внимание такие немногочисленные психологи, как Т. Липпс, З. Фрейд, и многие другие. Однако, в нашем 21 веке «Юмор постепенно выделяется в самостоятельный предмет изучения» (Иванова Е.М., 2007) и как самостоятельный предмет исследования требует определения того объекта науки, в контексте которого выступает как самостоятельный предмет научного исследования. Парадокс науки в том, что определяя свой предмет, она доопределяет и конструирует объект исследования.

На сегодня в исследованиях, сконцентрированных на проблеме юмора предложены схемы понимания принципов социогенеза (Бахтин М.М., Лихачев Д.С., Козинцев А.Г. и др.), собрана феноменология предпосылок высших

психических функций в эволюции животного мира (Дарвин Ч., Лоренц К., Козинцев А.Г., Бутовская М.Л. и др.), обозначены принципы регуляции (Бороденко М.В., Дедов Н.П. и др.), определены принципы восприятия (Raskin V., Attardo S. и др.), изучены принципы остроумия (Лук А.Н., Иванова Т.В., Билевич В.В. и др.), изучены закономерности функционирования психики при психопатологии (Askenasi J., Иванова Е.М. и др.). Объединяет упомянутые разнородные исследования то, что исследователи имплицитно опираются на трактовку юмора как психологического средства регуляции жизнедеятельности, а в некоторых исследованиях как средства именно личностной регуляции (Канеман, Тверски, 2000 и др.). Само же положение о регуляторной роли юмора на сегодня обосновано в науке недостаточно. Например, В.П.Шейнов перечисляет и анализирует следующие функции юмора: юмор как специфическое средство общения и взаимодействия, юмор как средство совладания со стрессом, юмор как индикатор социально значимых проблем (Шейнов, 2011), но даже не ищет общего в этих характеристиках юмора. А общее во всех конкретных проявлениях юмора при разнообразии его конкретных функций находится в том, что во всех своих проявлениях юмор открывает возможности развития сознания, личности, межличностных отношений, общества и культуры в целом. К сожалению, положение о том, что юмор является мощным средством развития, недостаточно осознано в культуре и психологической науке. Остается верным, что «...многие стараются описать условия юмора, но мало кто старается объяснить сам юмор» (Keit-Spigel, 1972, p.5). Объяснять юмор рискованно из-за многоаспектности и междисциплинарности феномена, разнообразия форм его представленности в психологической реальности, изменчивости, то есть трансформируемости его форм («природы Протея»), неоднозначности его ситуативной роли в психической регуляции и из-за неустранимой конвенциональности, условности самого его существования. «Объяснение» юмора является нерешенной проблемой науки. А «понимание проистекает из объяснения...» (Философия и методология науки, 1996, с.171). Пока нет

объяснения, не может быть и понимания. Отсутствие удовлетворительных объяснений юмора в науке, демонстрирует его непонимание в науке.

Выше нами охарактеризована ситуация в исследованиях юмора только в одном из измерений науки, выделенных К.И. Алексеевым (Алексеев, 2001, с.104), измерении названном им системой знаний о психологической реальности. Два других измерения науки характеризуются К.И. Алексеевым как измерение социального института науки, существующего и функционирующего в обществе и с неизбежностью включенного в контекст всей общественной жизни и измерение научного сообщества ученых, ведущих и осмысляющих свою научную деятельность в соответствии с определенными нормами, стандартами и ценностями (там же).

В измерении социального института ситуация исследований юмора характеризуется следующими факторами. В мире существует несколько профессиональных сообществ, изучающих и популяризирующих юмор. Активную деятельность ведут «International Society for Humor Studies» (ISHS до 2001 года AASH) (www.humorresearch.org), им издается журнал «Humor: International Journal of humor Research», и «Assotiation for Applied and Therapeutic Humor» (www.aath.org). Ими проведено по 25 конференций, посвященных проблематике юмора, в числе тем такие как «Язык юмора, юмор языка», «Юмор и метафора», «Юмор между наук», «Юмор в терапии», проводятся летние школы по обучению использованию юмора. Официальные сообщества по изучению юмора есть в Австралии, Японии, Норвегии, Дании, Италии, Франции, Испании. Юмор используется в таких сообществах как «The Cancer Club» как источник поддержки жизни для людей умирающих от рака (www.cancerclub.com) и «Humor Quest», нацеленное на борьбу со стрессом (www.questforhumor.com). В юмористических ассоциациях участвуют профессора ведущих университетов мира в областях психологии, медицины, лингвистики, литературы, образования, философии, изящных искусств, политологии и социологии, а также публичной ораторской деятельности. Ведущий американский специалист по психологии и пропаганде юмора,

профессор психологии, посвятивший много лет теоретическим и экспериментальным исследованиям юмора, Paul McGhee активно популяризирует юмор в научно-популярных книгах, таких как «Юмор как тренинг выживания для стрессогенного мира», «Маленький юмор на свободе», «Понимание и развитие детского юмора» и других, и в интернет-ресурсе «The Laughter Remedy» (<http://www.laughterremedy.com>). Юмор активно исследуется и популяризуется Родом Мартином, который развивает интегративный подход к юмору, который представлен в книге «Психология юмора» (Мартин, 2009).

В России интенсифицировались философские исследования юмора и даже в 2011 в СПбГУ была проведена конференция «Теоретическое исследование смеха в России и перспективы гелологии», а в 2013 конференция «История изучения смеха в России: научные школы и отдельные исследователи», исследований по психологии юмора недостаточно.

Наибольший дефицит научных исследований юмора обнаруживается в психологии. Так, поиск в научной электронной библиотеке www.elibrary.ru слова «юмор» и словосочетания «психология юмора». Он показывает, что на май 2011 года только одна шестая исследований юмора сделаны с элементами психологического осмысления проблемы. В российской психологии эмпирические и прикладные исследования юмора (Садыкова Е.Р., Бороденко М. В., Иванова Т.В., Дедов Н.П., Иванова Е.М., Арбитайло А.М. и др.) доминируют над теоретическими исследованиями, которых практически нет. Редкие исключения представлены тезисами и статьями (Розов, 1979, Яновская, 2005, Лукьянов, Чичкова, 2004, и др.) , а также монографией (Мусийчук М.В., 2004). По электронному ресурсу РГБ (www.rsl.ru) находится на май 2011 только 7 кандидатских диссертаций по психологии юмора (Иванова Н.В., 2006, Кременецкая А.В., 2001, Иванова Е.М., 2007, Арбитайло А.М, 2008, Дедов Н.П., 2000, Иванова Т.В., 1999, Кузнецова Н.Ф, 1989). В 2012 году защищена кандидатская диссертация по психологии юмора Ульяновой Ю.И. (Ульянова, 2012). Это работы эмпирические и прикладные. Наиболее

ощущается дефицит теоретического психологического осмысления и обобщения проблематики юмора.

Ситуация исследований юмора в измерении науки как профессионального сообщества исследователей характеризуется в России следующим образом:

В России существуют интернет-ресурсы, популяризирующие теорию юмора, такие как www.krotov.info, www.kluver.ru, www.humortheory.com и другие. Однако, в них представлены лишь частные разработки теории юмора и их вклад в развитие теории юмора, которая стала бы общепринятой невелик. Весной 2011 года нами организована в социальных сетях Интернета (Фэйсбук) группа «Развитие через юмор», куда вошли и ведущие российские психологи и исследователи юмора, и которая как наш авторский проект была номинирована в общероссийском конкурсе «Золотая психея» по итогам 2012 за вклад в развитие единого профессионального сообщества.

Анализ ситуации исследований юмора в трех измерениях науки, предложенных К.И. Алексеевым, мы считаем нужным продолжить, выделяя четвертое измерение науки – измерение обыденного функционирования научных знаний. Оно может быть проанализировано методом поиска понятий в Интернет. Так, если сравнить результаты поиска слова «юмор» на русском и английском языке, то обнаруживается, что количество найденных ссылок в одних и тех же условиях поиска (www.google.com, май 2011) на английском языке превосходит количество найденного на русском языке в 4 раза. Это сопоставимо, а если учитывать, что английский по распространенности гораздо более превосходит русский, то это даже много. В России происходит более активное, чем в англоязычном мире психологическое осмысление юмора. Так при поиске словосочетания «психология юмора» на русском и английском языке обнаруживается, что количество найденного соответствует один к одному. При этом количество найденного на английском и русском языке для словосочетания «психология смысла» больше в 8 раз, а «психология метафоры» в 3 раза, чем слов «смысл» и «метафора». Это подтверждает то, что теоретическое осмысление юмора запаздывает по

отношению к обыденному. Как показывает поиск при тех же условиях в феврале 2014 года теоретико-психологическое осмысление юмора стало еще более запаздывать по отношению к обыденному. Так, количество найденного по поиску слова «юмор» превосходит количество найденного по поиску словосочетания «психология юмора» на русском языке в 5 раз, а на английском языке в 10 раз. Эти соотношения показывают то, что в современном мире происходит интенсивное развитие феноменологии и экзистенции юмора и в англоязычном мире оно происходит более активно. А существенное сокращение разрыва между количеством найденного по поиску «психология смысла» и «смысл» (полтора к одному на русском языке и один к трем на английском языке), «психология метафоры» и «метафора» (два к одному на русском языке и один к одному на английском языке) говорит о том, что в современности происходит существенное изменение и развитие феноменологии и способов экзистенции человека в мире. Наука должна успевать за этими изменениями, а не плестись у них в хвосте.

Вернемся к анализу исследований юмора в измерении науки как системы знаний. Даже на Западе, не смотря на то, что появились работы интегрирующего типа (Roeckelein, 2002, Мартин, 2009 и др.) недостаточно работ, в которых разнородная проблематика юмора была бы синтезирована и объяснена. В этой книге представлена рискованная попытка «объяснить» историю становления юмора в культуре и синтезировать закономерности его функционирования в жизни современного человека. «Объяснить» - это значит предложить интерпретацию истории и феноменологии юмора, которая может стать шагом по продвижению совокупного знания о юморе. Предлагаемая в книге интерпретация проводится с учетом достижений общей психологии, так как юмор, согласно Л.С. Выготскому – предмет общей психологии (Выготский, 1986, с.109), что признают и филологи (напр, Пропп, 1976). И проводится в русле культурно-исторической парадигмы психологии, которая при этом уточняется и развивается вплоть до выделения в рамках культурно-исторической психологии особого эволюционно-деятельностного подхода. Из

культурно-исторической психологии и общей психологии (главным образом из теории деятельности и теории эволюции А.Н. Леонтьева) привлекаются положения о филогенезе, культурогенезе и онтогенезе психического отражения и деятельности, структуре психического и его функциях, о патологии и развитии личности, о специфике личностной регуляции поведения, деятельности и жизнедеятельности. Без учета общепсихологического и культурно-исторического контекста проблематики юмора многие имеющиеся достижения в области конкретно-научных исследований юмора, как в психологии, так и в смежных науках предстают как недостаточно теоретически обоснованные. В этом научная актуальность предлагаемого теоретического исследования юмора.

Свое психологическое исследование юмора мы ведем с учетом основных дилемм психологии как науки. Ими являются классические дилеммы описания и объяснения, а также естественно-научной и гуманитарной моделей психологии как науки. Более современными дилеммами, которые должен учитывать в своих исследованиях каждый психолог, являются дилемма целей науки как получения знания (парадигма отражения) и науки как порождения знания (конструктивизм), а также потенциализма (биологическое понимание человека, как существа реализующего свой природный потенциал) и развития (философское понимание человека, как существа ставящего и реализующего цели).

Целью написания этой книги было проанализировать и объяснить основные стадии и закономерности культурно-исторического развития юмора, сформулировать основные принципы функционирования юмора в системе личностной регуляции жизнедеятельности на основе достижений психологического и смежного знания о юморе, существующих в науке на данный момент и этим сделать шаг по продвижению психологического знания к более полному и дифференцированному образу реальности, а также к экзистенциальной Истине принципов существования человека.

Объектом же предпринятого нами исследования выступала феноменология юмора в истории культуры и в развитии человека. Феноменология юмора же есть проявление функции юмора в истории, социальной и индивидуальной жизни, а также в научной и творческой деятельности человека.

Предметом исследования выступали психологические проявления и функциональное значение (роль) юмора в системе личностной регуляции поведения, деятельности и жизнедеятельности человека.

В начале исследования юмора мы исходили из следующих гипотез, выдвинутых нами из предварительного изучения проблемы:

1. Юмор не задан биологической природой человека, а развивается из биологических предпосылок и культурных представлений о них в ходе культурно-исторического развития человека. Закономерности становления и развития юмора совпадают с закономерностями развития высших психологических функций
2. Развитие юмора в культуре зависит от представлений о его предпосылках и о нем самом, а также от логики смены парадигмальных категорий, характеризующих юмор. То есть юмор может быть охарактеризован через разные психологические понятия и может развиваться у отдельного человека как психическая функция, черта личности, деятельность, жизнедеятельность, установка и др. В высших формах, обоснованных всеобщими закономерностями логики культурного развития человека, юмор выступает как психологическое орудие саморегуляции.
3. Психологический смысл юмора задается той ролью и функцией, которую он сыграл в своем культурно-историческом генезисе и которую он играет в современности при психопатологии. Это смысл и функция компенсации дефицита способностей к регуляции жизнедеятельности. Компенсируя дефицит способностей к регуляции, юмор может служить

- и средством развития регуляции, ресурсом развития личности и средством, подчиненным цели развития.
4. Существует национальное своеобразие юмора в истории народов и в современности. Оно зависит от специфики развития значения слова «юмор» и самого юмора в контекстах его словоупотребления в философии и литературе. Юмор развивался в поэзии различными способами и контекстами словоупотребления слова «юмор» и ассоциированных с ним слов. Анализ словоупотребления может быть методом исследования психологической феноменологии и ее развития.
 5. Использование юмора влияет на социальные процессы (массовые настроения, межличностные отношения). Влияние посредством юмора обеспечивается механизмами трансляции и понимания смыслов.
 6. Юмор других национальностей может быть понят неправильно. Понимание юмора других национальностей зависит от национальной самоидентичности. Развитие способности к пониманию юмора своего народа может быть средством национальной идентификации, развитие способности к пониманию юмора других национальностей может быть средством развития толерантности и интернационализации сознания. Юмор является средством национальной идентификации, которая может быть как прямой, так и сравнительной.
 7. Функции юмора в культуре, обществе и личностной регуляции могут быть различными, но всегда подчинены цели развития. То есть юмор является средством развития культуры, общества и личности.

Исходная методологическая база исследования: культурно-историческая психология (Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Зинченко В.П., Асмолов А.Г., Василюк Ф.Е., Леонтьев Д.А. и др.). Основными используемыми методологическими принципами являются: принцип историзма (Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Асмолов А.Г. и др.), принцип системности (Выготский

Л.С, Ломов Б.Ф, Мерлин В.С., Леонтьев Д.А. и др.), принцип иерархии (Платонов К.К.), принцип развития (Анцыферова Л.И., Дабровски К. и др.), принцип детерминизма (Рубинштейн С.Л. и др), принцип вариативности (Асмолов А.Г. и др.), принцип феноменальности (Гуссерль, Мерло-Понти, Гадамер, М.Анри и др.), принцип бытийности (Рубинштейн С.Л., Босс М., Леонтьев Д.А. и др.), принцип активности субъекта (Абульханова –Славская К.А., Петровский В.А. и др), принцип знакового опосредствования сознания и деятельности (Выготский Л.С., Леонтьев А.А., Зинченко В.П. Вежбицка А. и др.). При этом основными являются принципы системности и развития, остальные вспомогательными.

В качестве методологеммы исследования (общенаучного закона, отражающего закономерности изменения вида научного знания) выступает тезис В.С.Библера: от наукоучения к логике культуры (Библер, 1991), который в области общей психологии формулируется нами так: от стационарных представлений о личности, отражении, регуляции и деятельности к представлениям динамическим, которые определяются логикой перехода от причинной детерминации развития (средовой и мотивационной) к целевой детерминации развития (смысловой и сознательной), то есть к тому научному образу человека, который В.П.Зинченко и Е.Б. Моргунов называют «Человек развивающийся» (Зинченко, Моргунов, 1994). В качестве второй методологеммы нашего исследования, в отличие от первой отражающей уже не стратегию, а принцип, метод мышления выступает принцип организации знания, сформулированный В.И.Моисеевым в названии своей книги «Логика открытого синтеза», где под синтезом понимается «и движение к некоторому единству, и само единство» (Моисеев, 2010, с.223), что в области психологии выступает как движение от разрозненных и разнородных знаний к единому образу человека, который может уточняться и развиваться в определенных синтезом структурных рамках.

Среди использованных нами методов научного исследования были: методологический анализ и интеграция различных подходов в психологии,

теоретический анализ и синтез разнородных исследований чувства юмора, контекстный исторический анализ, категориальный анализ, качественный анализ (интерпретация) описаний феноменологии и самой феноменологии юмора, построение теоретической схемы регуляции посредством юмора, методологическая рефлексия принципов и понятий культурно-исторического, интегрально-личностного и смежных подходов в психологии.

Использованные методы позволили в результате прийти к научной новизне, практической и теоретической значимости проведенного исследования. Научная новизна исследования заключается в постановке проблемы юмора в контексте проблем отражения и регуляции, в введении в психологический обиход понятий «ноогенез», в разработке универсальной модели уровневого строения личности и принципов межуровневой регуляции посредством юмора с подчеркиванием роли взаимодействия доминанты и субдоминанты, обосновании роли рефлексии как современного культурного медиатора чувства юмора, прогнозе возрастания роли смысла как медиатора чувства юмора.

Теоретическая значимость состоит в обосновании культурогенеза и онтогенеза чувства юмора как высшей психической функции по Л.С. Выготскому в русле культурно-исторической психологии, что представляет собой фундаментализацию многих теоретических и эмпирических исследований юмора. Рассмотрение юмора в русле проблем отражения и регуляции позволяет выделить различные типы, виды и формы существования юмора. Выделение низших (нацеленных на гомеостаз) и высших (нацеленных на трансценденцию) видов юмора позволяет продвинуть понимание проблем адаптивности и развития, свободы и произвольности, важных для понимания механизмов детерминации личностного развития, и также разрабатывать принципиально новые методики для оценки уровня, типов, видов и направленности юмора. Предлагаемая для интерпретации юмора объяснительная модель регуляции может разрабатываться далее и использоваться для интерпретации других психических функций в

психологии, а также использоваться в философии для разработки проблемы ноогенеза и эволюции психического.

Практическая значимость состоит в обосновании на основе предлагаемой объяснительной модели принципов интерпретации феноменологии юмора, объяснении принципов патологизации юмора. Обоснование возможности компенсаторной роли юмора в психологической практике позволяет обосновать использование смеха, улыбки, юмора в психотерапии и консультировании и осознанно разрабатывать «обходные пути» (Л.С.Выготский) психического развития. Различение в юморе когнитивного образа и его эмоциональной ткани позволяет подбирать и разрабатывать методы психологической экспертизы продуктов «смеховой культуры». Обоснование и описание роли юмора как средства национальной идентификации может использоваться в национальной социализации, в развитии этнической толерантности и интернационализации сознания. Представленный метод анализа словоупотребления и принципов его интерпретации для оценки хронотопа может использоваться для анализа и экспертизы журналистских и рекламных текстов на разные темы.

Логика исследования привела нас от анализа философских и частнопсихологических исследований юмора к обоснованию недостаточности традиционной культурно-исторической психологии, к необходимости ее развития и выделения в ней эволюционно-деятельностного подхода. Результатом проделанной в книге аналитической работы является модель развивающегося человека, в которой юмор выступает как средство развития личности. В эту модель вписываются и следующие частнопсихологические положения:

1. Психологические проявления юмора развиваются в культурогенезе и онтогенезе в соответствии с закономерностями развития высших психических функций.

2. В развитых формах юмор становится средством саморегуляции, то есть психологическим орудием активного и произвольного воздействия личности на саму себя.
3. Психологический смысл юмора заключается в компенсации дефицита способностей саморегуляции, психического отражения и личностного развития.
4. Анализ словоупотребления является методом исследования развития и социализации психологической феноменологии.
5. Влияние посредством юмора обеспечивается механизмами трансляции и понимания смыслов.
6. Юмор является средством развития национальной идентификации, которая может быть как прямой, так и сравнительной.
7. В существовании человека юмор является средством регуляции психического отражения и деятельности, подчиненным цели развития личности.

Глава 1. Методологический анализ подходов к изучению юмора в психологии

1.2. Теоретико-методологическое исследование феноменологии юмора

В психологии юмора на настоящий момент, на наш взгляд, существуют две основные проблемы: проблема разнообразия и слабой структурированности исследовательских подходов и проблема категоризации разнообразия психологических понятий, используемых для объяснения проявлений юмора. Это проблемы, требующие исторического, логического и теоретического анализа. Накопилось множество теоретических и эмпирических данных, которые не поддаются достаточно строгой классификации (напр. Keit-Spiegel, 1972; Roeskelein, 2002; Tomczuk-Wasilewska, 2009, Мартин, 2009). Большинство работ по юмору содержат исторические обзоры проблемы, но проблема эволюции юмора в истории культуры является недостаточно исследованной, особенно в психологическом плане (Асмолов, 1990; Мартин, 2009; Домбровская, 2010б).

В настоящее время наблюдается и новый значительный интерес к методологическому анализу в российской психологии, который, в частности, представлен работами В.М. Аллахвердова (2003), Ф.Е. Василюка (2003), М.С. Гусельцевой (2009), Л.Я. Дорфмана (1993, 2005), В.П. Зинченко (1993, 2006), И.Н. Карицкого (2002), В.Е. Клочко (2007), В.А. Кольцовой (2004), Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова (2006), В.Ф. Петренко (1999, 2010), А.В. Юревича (2005), Янчука В.А. (2006), публикациями в журнале «Методология и история психологии» (2006-2010), сборником ИП РАН «Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива» (2007) и рядом других публикаций. В ситуации существующего многообразия методологических подходов достаточно сложно проводить анализ конкретной проблемы, поскольку такой анализ требует, прежде всего, соблюдения принципа методологического единства. В то же время, А.В. Юревич отмечает факт методологического либерализма в психологии, С.Д. Смирнов обосновывает неизбежность и плодотворность в психологии методологического плюрализма (Смирнов, 2006), а Д.А.Леонтьев напоминает

об эвристической ценности теоретического знания (Леонтьев Д.А., 1993б, с. 11). К настоящему времени в методологии уже осознано, что «...объективная истина в принципе вообще недостижима, потому что между познающим человеком и объективной реальностью стоит множество барьеров в виде орудий познания, которыми человек пользуется, в виде языка, на котором он описывает наблюдаемые явления, в виде теоретических схем, с помощью которых он структурирует и объясняет то, что он наблюдает, и многого другого... Наиболее точное... определение сущности науки, причем любой науки, заключается в том, что развитие науки связано с развитием и усложнением различных образов реальности» (Леонтьев Д.А., 1993а, с.5). Однако, современная неклассичность научного знания не должна приводить к потере ее классических достижений: «Оправданный протест приводит к отторжению нашего теоретического наследия: мы теряем бесценные завоевания отечественной и зарубежной классической психологии» (Богоявленская, 2009, с. 131); теряется содержательная линия движения научного знания.

Нашей задачей в этой главе является развитие классического знания о юморе посредством методологической рефлексии, «внешней» (как назвал ее Э.Г.Юдин (Юдин, 1978) по отношению к объекту изучения, которая в нашем ее понимании прежде всего должна анализировать контексты и объяснительные понятия изучаемого феномена. Этой «внешней рефлексией» мы апробируем метод исторического контекстного анализа, и реализуем метод категориального анализа

1.1.1. Исторический анализ контекстов исследования юмора в философии

До выделения психологии в самостоятельную науку психологическое знание развивалось в основном в русле философии. В русле философии развивались и представления о юморе. Отдельные высказывания Платона, Аристотеля, Цицерона и других мыслителей неоднократно цитировались в работах, посвященных юмору, смеху, комическому. Однако, на наш взгляд, недостаточно анализировался контекст ранних высказываний о юморе. С методологической же точки зрения анализ контекстов упоминаний темы юмора важен, так как именно контексты задавали то проблемное поле, в русле которого развивался юмор в истории. При этом мыслители осмыслили юмор, как уже сложившийся на тот исторический момент феномен, а также производили новое знание о юморе. Однозначно различить, обозначает конкретное высказывание о юморе его осмысление, обобщение или производство нового знания чрезвычайно трудно, но обозначить эту проблему мы считаем важным. Так, на наш взгляд, высказывания Платона об амбивалентности смешного (Платон, Филеб, 48а) и Цицерона о необходимости соблюдать меру в насмешке (Цицерон, 1972, с.178) являются скорее обобщениями, а известное высказывание Аристотеля о том, что человек – единственное живое существо, способное смеяться, является примером порождения нового знания о сущности человека, одной из первых попыток онтологизации природы человека. При этом важно, что Платон (Платон, Пир, 223d) и Аристотель (Аристотель, 1998) рассматривают смеховое в контексте анализа комедии, а Цицерон (Цицерон, 1972) – в контексте риторики. Этим он как бы выводит смеховое из сферы искусства в сферу политики, превращая зарождающийся юмор в средство осознанного воздействия на общественное сознание.

Позже Августин рассматривает смех в контексте понимания: «они (числа) не суть образы предметов. Пусть посмеется надо мной тот, кто этого не видит, и я пожалею его за этот смех» (Августин, 1989, с.157). Тем самым он выводит смеховое из контекста эмоций и чувств, в котором смеховое «находилось» со времен Платона (Платон, Филеб, 48а), в контекст интеллекта и разума, а

точнее «компенсации» их недостаточности. Из еще более поздних разработок иезуита Б. Грасиана можно эксплицировать понимание способности к юмору и остроумию как способности к «изящному уму» (Грасиан, 1984). Этим христианские богословы облагораживают и интеллектуализируют смеховое.

Т. Гоббс и Р. Декарт, следуя античной традиции по отношению к смеховому, рассматривают смех в контексте страстей человеческих. Так Т. Гоббс полагает смеховое той страстью, «которая не имеет имени», но сопровождается смехом (Гоббс, 1926, стр. 252). Отметим здесь, что Т. Гоббс осознал чуть ли не главное на тот исторический момент о юморе. Юмор в его время действительно «не имел имени». Слова юмор в современном его значении не было. Способность же к зарождающейся способности человека к юмору чаще всего обозначалась словом «смех». Это же высказывание Т. Гоббса обозначает то, что потребность в таком слове уже сформировалась. И «удовлетворил» эту потребность, даже ранее, чем она была обозначена Т. Гоббсом, широко образованный драматург Бен Джонсон, рассматривая проблематику характеров, он выделил некую причудливость и назвал ее словом «юмор» (Бен Джонсон, приводится по Будагов; 1971, стр.181). Т. Гоббс источником этой новой страсти человека полагал потребность в чувстве превосходства, возникающем неожиданно (Гоббс, 1989, стр. 250). И этим создал контекст юмора в проблематике мотивов и потребностей человека.

Р. Декарт считал смех одним из способов выражения страстей и полагал, что у смеха две причины. «Первая причина – внезапное удивление, соединенное со смехом... Другой причиной является известная жидкость, которая, смешиваясь с кровью, увеличивает ее разряжение» (Декарт, 1950, стр. 655). Таким образом, Декарт выделяет две предпосылки юмора, которые позже позволили рассматривать юмор как высшую психическую функцию по Л.С. Выготскому, которая имеет натуральную и культурные составляющие.

И. Кант рассматривал смех и смешное в узком контексте как аффект, в котором существуют два аспекта: восприятие нелепости объекта и внутренняя деятельность «игры мыслей», сравнивал «игру мыслей» при смехе с «игрой

мыслей» при восприятии музыки. «Музыка и повод к смеху представляют собой два вида игры с эстетическими идеями или же с представлениями рассудка» (Кант, 1966, стр.351). В отличие от музыки, по И. Канту, смех начинается не с телесных ощущений, а именно с «игры представлений». Кант уже употреблял само слово «юмор», полагая его как «талант произвольно приходить в хорошее расположение духа» (Кант, 1966, стр. 356). Если же рассматривать размышления Канта о смехе, смешном, юморе в широком контексте его концепции, то вырастает проблематика различения объекта и субъекта в юмористическом акте, а также того, что гораздо позже Л.Я.Дорфман назвал «метаиндивидуальными мирами» (Дорфман, 1993). Юмор как бы «раскрывает» кантовскую «вещь-в-себе», превращает ее в «вещь-для-меня» и в «вещь-для-мира». И.Кант, рядополагая игру с эстетическими идеями и представлениями рассудка, разрывает историческую связь юмора с эстетическим, разрыв которых начал уже Цицерон, и полагает связь юмора с произвольной рефлексивной манипуляцией представлениями. Во многом, это не просто осмысление существующей экзистенции юмора, но порождение новых стандартов юмора, которые потом будут развиваться философами и интериоризовываться широкими слоями народа.

Жан-Поль определяет природу юмора как природу Протея, изменчивую и динамичную. Он, как и И.Кант, уже использует понятие юмора и определяет его как фантазирование рассудка, которому предоставлена полная свобода (Жан-Поль, 1981, стр.146). Он говорит о «юмористической субъективности» (то есть личностной обусловленности и пристрастности юмористического отношения) и говорит о том, что юмор свойственен лишь немногим. Так, романтический Жан-Поль, первый теоретик юмора в эстетике, вводит юмор в контекст проблематики формирующейся в истории личности.

Гегель в своей «Эстетике» не употребляет слово «юмор», но рассматривает уже не только комическое, но и иронию и сатиру, а также трагическое как альтернативу комическому. Этим он как бы выстраивает культурные связи смехового. Он, в отличие от И. Канта, акцентирует не роль

субъекта в юморе, а роль объективных характеристик мира в порождении смеха и комического эффекта. Этими объективными характеристиками мира, порождающими комическое и юмор, являются по Гегелю, контраст и противоречие. «Смешным может быть всякий контраст существенного и его явления, цели и средств, противоречие, благодаря которому явление снимает себя в самом себе, а цель в своей реализации упускает себя» (Гегель, 1971, стр. 579). Гегель, еще более, чем Кант, акцентирует позитивные характеристики комического. Если Кант подчеркивал связь юмора с веселостью, то Гегель связывает комическое с «бесконечной благожелательностью» (Гегель, 1971, стр. 580). Эти кантовские и гегелевские связи юмора создают пути культивирования позитивности эффектов юмора. Хотя, по Гегелю, «смех может быть издевательским, язвительным, смехом от отчаяния» (Гегель, 1971, стр. 579). Этим он фиксирует амбивалентность природного смеха. Исходя из широкого контекста гегелевской концепции «объективного духа», комическое и юмор эксплицируются как сущностные свойства этого всеобщего разворачивания объективного духа, как свойства экзистенции. По известному высказыванию Гегеля экзистенция, называемая самим Гегелем «история», «первый раз появляется как трагедия, а потом повторяется как комедия».

По Ф. Шеллингу, комедия создает свою мифологию сама из современной общественной жизни, а не опирается на мифологию античности как трагедия. Шеллинг также не употребляет понятие юмора, однако, характеризуя сущность комического, опирается на его личностные и экзистенциальные характеристики. Так, сущность комического выводится из взаимодействия необходимости и свободы (Шеллинг, 1999, стр. 508). Для характеристики так понимаемого комического (или юмора) он также обращается к антитезе объекта и субъекта. Необходимость проявляется в качестве объекта, а свобода в качестве субъекта. В комическом отношении необходимость объекта и свобода субъекта меняются местами: в объекте появляется свобода, а в субъекте необходимость. Таким образом,

зарождающееся понятие юмора попадает в контекст диалектики объект-субъектных отношений.

Исходя из общего контекста иррационалистической философской концепции А. Шопенгауера, суть комических ситуаций заключается в победе чувственного восприятия над абстрактным знанием (Шопенгауер, 1901). Этим он как бы возвращает смеховое, помещенное А. Августином и И. Кантом в ряд интеллектуального, обратно в сферу чувств и эмоций, а точнее в сферу уже «окультуренной» непосредственности и спонтанности. С. Киркегор в своей обстоятельной концепции иронии рассматривает комическое как «выражение двойной рефлексии сообщения» (то есть диалогичности общения с миром и с собой), необходимой для экзистенциального усвоения высших христианских истин. И если ирония, по С. Киркегору, это ступень между эстетической и этической стадиями развития личности, то юмор ступень и принцип перехода от этической стадии к стадии религиозной (Киркегор, 1993). Этим С. Киркегор, как и Жан-Поль связывает юмор с высшими ступенями развития личности, личностной зрелости и индивидуальности.

Н.Г. Чернышевский «на русской почве» сформулировал мысль, что «юмор смеется сам над собой» (Чернышевский, 1973, стр. 290), и к такому юмору расположены только люди, «которые понимают все величие и всю цену возвышенного, благородного, нравственного...» (Чернышевский, 1973, стр. 291).

Исходя из общей концепции Ф. Ницше, смех есть проявление Дионисийского начала, а не начала Апполоновского (Ницше, 1910). То есть, он завершает перевод смехового из сферы искусства в сферу празднично-жизненного. По А. Бергсону, юмор занимает промежуточное место между сферой эстетического и сферой повседневности, пробуждая восприимчивость к изменчивости жизни и самую жизнь (Бергсон, 1992). Из широкого контекста концепции творческой эволюции А. Бергсона, юмор можно понимать как средство эволюционирования психики человека в истории.

Таким образом, в истории философии, которая является, как общепринято считать, предысторией психологии, мы находим разнообразные контексты осмысления человеческой способности к смеху и юмору. Основные из них: природа человека и его сущность, эмоции, комическое и эстетическое, объектное и субъектное, рациональное и иррациональное, а также личностное. Если выстраивать логику движения знания о юморе в соответствии с принципом В.С. Библера «от наукоучения к логике культуры» (Библер, 1991), то логика развития знания о юморе и самого юмора – во все большей связи юмора и личности. Философия как бы сама переводит проблематику юмора в психологию. И психология 20 века активно прорабатывает проблематику юмора. Но парадокс психологии заключается в том, что и она практически не создает крупных концепций юмора. Даже обстоятельная концепция остроумия З. Фрейда, посвящена не юмору, а остроумию (Фрейд, 1991). Но заслуга З. Фрейда в том, что он ввел проблему юмора в контекст проблемы бессознательного, и эта постановка проблемы подхвачена другими исследователями (Baker, 1993, 1993, Christie, 1994 и др.). П. Мак-Ги выделил восприятие несоответствия как основу развития чувства юмора (приводится по Мартин Р., 2009, стр.276-277). А.Н.Лук ввел юмор в контекст проблемы творчества (Лук, 1975). М.В. Бороденко ввела юмор в контекст знакового, условного (Бороденко, 1995), то есть идеального. Философ Ж. Делез обозначил проблему связи юмора, личностного и семантического смысла (Делез, 1995). То есть именно философ «вернул» психологии юмора такой глобальный контекст юмора как личность и смысл, остающийся до сих пор недоисследованным в психологии.

1.1.2. Логический анализ подходов к изучению юмора в психологии

Как отмечают исследователи, разнообразие психологических исследований юмора так велико, что даже полный их обзор затруднителен (напр.: Ениколопов, Иванова, 2006). Однако возможны попытки

классификации (Keit-Spiegel, 1972; Дземидок, 1967; Roেকেlein, 2002; Мартин, 2009; Ениколопов, Иванова, 2006 и др.). На наш же взгляд для понимания плюрализма концепций юмора классификации недостаточно. Необходим логический анализ, методологические принципы которого имплицитно заложены в анализе подходов к изучению смысла в монографии Д.А.Леонтьева (Леонтьев Д.А., 1999).

Прежде чем изложить схему нашего логического анализа, приведем несколько примеров методологического анализа психологических исследований юмора. Одна из первых попыток методологического анализа подходов к изучению юмора представлена в коллективной монографии «Психология юмора» под редакцией Дж. Гольдштейна и П. МакГи (The Psychology of humor, 1972) в последней части, которая называется «Аннотированная библиография опубликованных работ о юморе в исследовательских изданиях и анализ направлений исследований за период с 1900 по 1971 годы» (Goldstein, McGhee, 1972). Причем авторы используют понятие методологии в его строгом, узком смысле как методология эмпирических исследований. В своем анализе эмпирических исследований они различают корреляционные и экспериментальные замыслы исследований, причем по приводимой ими статистике за тот период преобладали корреляционные исследования. Дж. Гольдштейн и П. МакГи анализируют состав выборок испытуемых, среди которых представители обоих полов и недифференцированные выборки, которые в свою очередь различаются следующим образом: дети, студенты ВУЗов, учащиеся колледжей, «нормальные взрослые» и пациенты психиатров, а также недифференцированные выборки. По приводимой ими статистике преобладают учащиеся колледжей. Дж. Гольдштейн и П. МакГи анализируют также типы стимулов, используемых в качестве независимых переменных в эмпирических исследованиях. Это следующие типы: карикатуры (52%), загадки, шутки или рассказы (23%), магнитофонные записи, фильмы или видеозаписи (8%), другое (такое как комические съемки, публичные речи или

социальные ситуации) (17%). Далее эти стимулы классифицируются под влиянием фрейдовской теории на агрессивные, сексуальные, содержащие несоответствие или нелепость, превосходство, комплексность, а также другие, неконтролируемые и недифференцируемые. При этом доминировал тип агрессивных стимулов. Изменялись следующие зависимые переменные: рейтинговые шкалы, смех и улыбка, юмористическое творчество, вынуждаемый выбор, физиологические реакции, понимание юмора и другое. В качестве зависимых переменных доминировало рейтинговое шкалирование стимулов.

С точки зрения же методологии, понимаемой как логический анализ теоретических и эмпирических знаний, наибольший интерес из статьи Дж. Гольдштейна и П. МакГи представляет рубрикатор библиографии за период с 1900 по 1971 год, которым аннотируется приводимая литература. Он состоит из 8 следующих рубрик: 1) работы, содержащие оригинальные факты, в том числе 1А) данные корреляционного типа, включающие факторный и контент анализ (39%) и 1Б) экспериментальные данные, в которых, по крайней мере, одна переменная является управляемой (13%), 2) работы, содержащие оригинальную теорию или теоретическое развитие какой-либо теории (24%), 3) работы обсуждающие функции юмора в культурном, социальном, личностном или физиологическом контексте (15%), 4) работы, исследующие развитие юмора в детстве (13%), 5) методологические работы, представляющие методики изучения юмора (6%), 6) обзоры литературы по юмору или отдельной проблемы (8%), 7) общие дискуссии по проблеме юмора, включая работы, не вписывающиеся в вышеобозначенные рубрики (13%), 8) работы, содержащие методологический анализ или его обзор (26%). 4% библиографии осталось не аннотированными, они относятся по преимуществу к сфере психопатологии или культурологии.

В соответствии с вышеприведенным анализом изданные практически в тот же период исследование А.Н. Лука относится к типу работ, содержащих

оригинальные теории, а исследование Б. Демидока к типу обзоров и общих дискуссий.

С методологической точки зрения интересна классификация теорий сделанная Б. Демидоком. Так, Б. Демидок выделяет в истории шесть групп теорий комического, причем понятием «комического» он обобщает и юмор. И хотя его работа обозначена как работа по эстетике, его классификация глубоко психологична. Итак, он выделяет:

1. Теории превосходства субъекта над объектом, часто называемые теориями негативного качества объекта. Их он, в свою очередь, классифицирует на а) объективистские и б) субъективистские.
2. Теория деградации, понимаемой как обесценивание объекта или «переключение» с одной ценности объекта на другую (Стерн).
3. Теории контраста: а) субъективных представлений и б) объективных характеристик мира, как синхронических так и диахронических.
4. Теория противоречий: а) объектного мира и б) субъективно-реляционистского толкования явлений объектного мира.
5. Теория отклонения от нормы, в которой критериями оценки отклонения могут быть рационально безличный, личный и оценочный (Гросс).
6. Теория пересекающихся мотивов. Например, мотивов отклонения от нормы и мотивов превосходства (Гросс), автоматизма и свободы (Бергсон), экономии энергии и психологической защиты (Фрейд) (Демидок, 1967).

Важно, что сравнивая и классифицируя теории комического, Демидок «переоткрывает» основную дихотомию методологического психологического анализа «объект-субъектных» отношений в теме юмора. На основе классификации Демидока возможно выделять различные психологические механизмы юмора, однако различение юмора от объекта и юмора от субъекта поднимает вопрос о том, существует ли юмор вне зависимости от человека или

это лишь фиксированные в предметах культуры результаты юмористической деятельности людей.

Понимание психологической методологии как теоретического анализа проблемы юмора содержится в монографии «Психология юмора» Дж. Рекелина (Roeckelein, 2002). Так, анализируя исследования юмора, опубликованные за 1970-2001 годы, он создает следующий их рубрикатор: агрессия и юмор; использование юмора; познание и юмор, юмор как комедия, шутка, нелепость, сатира, ирония; юмор как смех и остроумие; индивидуальные и групповые различия в юморе; методология и измерения юмора; природа юмористических стимулов; социальные аспекты юмора. По рубрикатору видно, что за последние 30 лет 20 века в отдельные проблемы выделились проблема связи юмора и агрессии, а также тема познания и юмора. Осталась актуальной проблема юмористических стимулов и измерений юмора.

Еще один прием методологического анализа теорий юмора представлен П. Кейт-Шпигель (Keit-Spiegel, 1972); это путь, скорее, «снизу» - от эмпирики и от истории. Ее классификация прагматична и ориентирована на создание своего рода «базы данных» учений о юморе и этим – на создание фундаментального базиса экспериментальных и эмпирических исследований. Так, анализируя и обобщая ранние концепции юмора, она подчеркивает разнообразие теорий, подходов, проблем. Выделяет следующие группы теорий:

1. Биологические, инстинктивные и эволюционные.
2. Теории превосходства (над дефектом).
3. Теории несоответствия (привычному).
4. Теории удивления.
5. Теории амбивалентности
6. Теории расслабления и экономии энергии
7. Теории конфигурации (формы).
8. Психаналитические теории

П. Кейт-Шпигель выделяет именно группы теорий, иногда обобщая разные теории под одно из названий теорий, иногда, модифицируя название, иногда, предлагая свое обобщающее название группы теорий. Она располагает их в списке в порядке близком хронологическому порядку их зарождения, но анализ синхроничен.

Кроме классификации теорий, П. Кейт-Шпигель предлагает еще один способ анализа - анализ по проблемам. И выделяет следующие проблемы и альтернативы: сложности терминологии, проблема «единой версии плюралистического основания», проблема отношений смеха к юмору, отношения юмора и улыбки, проблема взаимозависимости смеха и удовольствия, подчеркнутая экспрессией удовольствия как маскировки неудовольствия, проблема высвобождения нервной энергии через юмор, животное и человеческое, врожденное и приобретенное, универсальность и селективность, номотетическое и идиографическое, бог и дьявол, опора в реальном и опора в нереальном, уровень контроля как уровень сознательности, здоровые и нездоровые атрибуты юмора, креативное самовыражение и защитное подавление, тяготение к хорошему настроению и осмысленность плохого, попытка против экономии попытки, - интеллектуальное и эмоциональное, само организуемое и социально управляемое, а также уровень уверенности теоретиков в своих концепциях.

Хотя П. Кейт-Шпигель упоминает трактовки юмора философами со времен античности, она гораздо больше уделяет внимание философам и биологам с середины 19 века, того периода, с которого юмор широко распространяется в культуре.

Один из вариантов классификации подходов к изучению чувства юмора предлагает Е.И. Ульянова. Она выделяет подходы когнитивный, экономный, межличностный и феноменологический на основе критериев: субъектный-объектный и рациональный-иррациональный (Ульянова, 2012).

Теоретический анализ психологических исследований чувства юмора содержится в статье Е.М.Ивановой и С.Н.Ениколопова «Психологические

исследования чувства юмора». Они классифицируют исследования «по тому, какой аспект предмета изучения ставится во главу угла: 1) психофизиологическая функция, 2) психическая функция, 3) психологическая защита (защитный механизм или копинг), 4) черта личности. Особняком в предложенной классификации ставят исследования чувства юмора в клинической психологии, поскольку психопатология может затрагивать любой из выделенных моментов» (Иванова, Ениколопов, 2006, с.122). Выделяемые ими «аспекты предмета изучения» по сути представляют собой уровни психологической реальности.

Для логического анализа проблемы юмора важное различие на основе разработок С. Меткалфа и Р. Фелибла, различающих «юмороптику» и «юмороробику» (Меткалф, Фелибл, 1007) делает Т.В. Иванова. Она подчеркивает важность различия способности «видеть смешное» и способности «делать смешное» (Иванова Т.В., 2002, стр. 76). По сути эти два вида способностей обозначают два различных вида психической деятельности: восприятие и производство, или отражение (в узком смысле) и конструирование.

Объединяя и уточняя достижения Е.М.Ивановой, С.Н. Ениколопова и Т.В. Ивановой, все разнообразие подходов к изучению чувства юмора можно представить в виде следующей логической схемы.

Таблица «Логический анализ подходов к изучению чувства юмора»

Тип деятельности Уровень психологической	Производство/ активность (собственно деятельность)	Рецепция/реактивность (Восприятие, понимание)
--	---	--

реальности		
Социальный феномен	«смеховая культура» (Бахтин, Лихачев) Ценность (Рокич)	«логика смысла» (Делез) Контр-знак(Бороденко) Ценность (Карасев)
Черта личности	Юмор как аспект креативности (Гилберт и Маккей) Юмор как способность (Кант, Хорнби)	Характеристика мировоззрения (Олпорт) Свойство темперамента (Зив)
Психологический механизм	Остроумие (Фрейд, Лук, Иванова Т)	Аксиоматизация(Розов) Прогнозирование (Симонов, Фейгенберг) Оценка (МакГи) Защитный механизм (Фрейд) Копинг (Олпорт)
Психическая функция	ВПФ (Леонтьев Д.А., Домбровская)	ВПФ (Леонтьев Д.А., Домбровская) Чувство (Лук)
Психофизиологическая реакция	Патологический смех Ашкенази Эмоция (Лук)	Патологическая улыбка (Уманский)

Хотя не все ячейки нашей двумерной логической схемы заполнены с должной полнотой (в них представлены только основные достижения обозначенных подходов), практически все известные нам достижения в области психологии юмора «укладываются», «пакуются» в эту схему. То есть предлагаемую нами логическую схему можно использовать для различения предмета исследования по типу деятельности и уровню психологической реальности, а также и для структурирования знаний о юморе. Более того, мы полагаем, что логический анализ юмора по критерию уровня психологической

реальности снимает проблему противостояния объекта и субъекта в жизненном мире человека, снимает проблему противопоставления эмоционального и интеллектуального, а выделение типов деятельности – производство, активность и восприятие, реактивность заостряет важную для психологии проблему соотношения продуктивности деятельности и деятельности понимания. Проблему же ресурса реактивности и понимания мы считаем более актуальными для современности, чем проблему потенциала продуктивности и посредством его самовыражения и самореализации, которые долго культивировались в американской психологии. В конечном счете, даже творческая продуктивность зависит от ресурса реактивности, рецептивности и понимания.

1.2. Теоретический анализ проблемы юмора

Задача категоризации понятия «юмор» на первый взгляд уже решена логическим анализом структуры психологии юмора. Юмор на разных уровнях анализа психологической реальности может быть вписан в достаточно общие категории реакций, функций, механизмов, черт, социальных феноменов. Однако таких «обобщающих» категорий слишком много и они в свою очередь нуждаются в некотором обобщении. Эта обобщающая категория должна быть достаточно универсальной и поэтому в значительной степени абстрактной. Согласно Л.С. Выготскому, «отделение основного психологического понятия от специфически чувственного ощущения – задача психологии. При этом само это ощущение, само самонаблюдение должно быть объяснено из постулата, метода и всеобщего принципа психологии, оно должно превратиться в частную проблему психологии» (Выготский, 1982а, с. 344). Как пишет Ф.Е. Василюк, «...в гносеологическом плане центральное, обобщающее понятие превращается в объяснительную категорию, или объяснительный

принцип...» (Василюк., 2003, стр.74). Другими словами, для понятия юмора нужно найти понятие обобщающее, такое чтобы юмору нашлось частное место в структуре психологических знаний и научного категориального аппарата.

1.1.1 Юмор как психологическое орудие личностной регуляции

Среди категорий психологии, которые можно считать парадигмальными, таких как «психологического орудие», «высшие психические функции», «психологических механизмы», «способности» наиболее сложным является понятие «психологических орудий». Применительно к понятию юмора оно нам предложено Д.А.Леонтьевым (Леонтьев Д.А., 1994). С одной стороны, оно обобщает все другие. С другой стороны, оно является частным понятием культурно-исторической психологии.

Проблема орудийности человеческой психики, поставленная инструментальной, и продолженная культурно-исторической психологией, по отношению к юмору требует некоторого обсуждения.

Человек, как известно, в процессе своего исторического развития изобрел орудия двух типов. Первое: орудия труда – топор, лопату, машины, компьютер и т.п. и т.д. Второе: знаки - речь, письмо, арифметику и т.п. Юмор относится ко второму роду орудий, он является социально-психологическим орудием человеческой психики. Орудийность юмора проявляется в следующих моментах:

- понятие орудийности сближается с понятием опосредованности. Только то, что обозначается понятием «юмор» в виде комментария, что нечто является юмористическим, или сопровождается смехом или улыбкой, может быть понято и принято другим человеком именно как юмористическое. Само слово-«метка» «юмор» уже может выполнять роль орудия при взаимодействии людей друг с другом и человека с самим собой. «Главная форма

существования психологических орудий – это форма словесная» (Леонтьев А.Н., 1994, с. 264);

- юмор не дан человеку с рождения, а возникает в процессе интеллектуального, эмоционального, эстетического, коммуникативного и культурного воспитания. Он возникает как психическое «новообразование» (в терминах Л.С. Выготского).

- интериоризация юмора идет по линии от «вращивания» (Выготский Л.С.) структуры целиком к постепенному овладению процессом юмористического восприятия и произвольного «юморения»;

- при вращивании структуры юмора целиком процесс вращивания идет так же как аналогичный процесс, описанный Л.С. Выготским на примере речи. Происходит замещение смеха деятельностью внутреннего юморения, редукция смеха до улыбки и возникновение новых функциональных систем, в которых юмор периодически выполняет роль новой системной функции (Выготский, 1984а). «Орудия и знаки изменяют саму структуру деятельности, ибо заставляют человека формировать в своей психике новые более сложные связи, обеспечивающие новые высшие формы» (Леонтьев А.А., 1969, с.56);

- интериоризация происходит сначала в диалоге ребенка с взрослым, уже «вооруженным» юмором, когда смех ребенка возникает в ответ на смех взрослого по принципу почти биологического подражания или заражения. Только потом ребенок сам учится находить и продуцировать комические смешанные образы. Физиологическая реакция смеха снижает дезинтегрирующую роль комического образа.

- с некоторой долей условности можно сравнить процесс интериоризации юмора, процесс усвоения юмора с процессом овладения интеллектуальной системой, заложенной в компьютере, в «диалоге» с компьютером.

Тема орудийности человеческой психики чрезвычайно проста и сложна одновременно. С одной стороны, орудийность психического выглядит самоочевидной. С другой стороны, проблема орудийности психики чрезвычайно сложна, так как требует теоретического осмысления скрытых от

эмпирического наблюдений феноменов человека. В настоящее время наблюдается замена проблематики орудийности проблематикой «психологических органов» (Ухтомский, 2000) и «медиаторов» (Зинченко, 1993), но с теоретической точки зрения понятие орудия обобщает и понятие психологического органа и понятие медиатора.

Орудийность обозначает произвольность, намеренность, преобразующий характер. Но она же обозначает и нечто внешнее, внедренное в сознание и психику человека. Формальная логика или система мышления, заложенная в программном обеспечении компьютеров, являются такими орудиями. К ним относится и юмор. Юмор не дан человеку изначально. Он формируется в филогенезе и воспитывается, интериоризируется в онтогенезе.

Таким образом, понятие психологического орудия наиболее четко отражает сущность юмора в современную эпоху, может быть, даже более, чем понятие высшей психической функции. Если рассматривать юмор как высшую психическую функцию, неизбежно возникает вопрос о прерывистости функции юмора. Понятие же орудийности позволяет избежать этого вопроса. Понятие функции выражает то, что юмор остается во многом спонтанным и непосредственным проявлением человека.

Понятие юмора можно рассматривать в ряду различных категорий психологии. Обосновывая положение о юморе как психологическом орудии, нельзя замолчать и то, что в общеупотребительной языковой идиоме «чувство юмора» юмор, как и все чувства, традиционно располагается в эмоциональной сфере. Так его изучают большинство исследователей. Однако понятие эмоций недостаточно для определения сущностных характеристик юмора. Юмор - это конвенция, это всегда слово-метка: «это юмор». Знаковость юмора придает ему орудийный характер, как и произвольность юмора и его культурно-историческое происхождение. Кроме того, в речи появилась тенденция разрывать связь юмора и чувств. Например, А. Хорнби в толковом словаре объясняет юмор через способность (Hornby, 1982, p. 417). Юмор в современной культуре становится все более произвольным и активным.

Современная культура задает человеку активный, а не реактивный стандарт юмора. Традиции же словоупотребления, где существует выражение «чувство юмора» ставят противоположный акцент. Однако, можно говорить о развитии юмора от форм реактивных и когнитивных к формам деятельностным. Происходит трансформация юмора от форм социальной регуляции к формам индивидуально-личностной регуляции. Культивируется интегрирующая личность роль юмора (Allport, 1988, Франкл, 1990, Рубинштейн, 1976). Поощряется то, что юмор располагается на «верху» системы личностной регуляции, а не на периферии эмоциональной сферы.

Проблема поиска родового понятия по отношению к юмору выходит за рамки психологии юмора и психологии в целом, входит в контекст проблематики социальной структуры науки и научных школ, но этот вопрос выходит за рамки данной работы. Отметим только то, что проблема поиска обобщающей категории для юмора на сегодня не решена. Юмор проявляется в разных «ипостасях». Категоризация определяется не только логикой науки, но и личностным мировоззрением исследователя. Неизвестно, какое место заняла бы категория «психологического орудия» при семантическом ее анализе того типа, который проделан В.Ф.Петренко для анализа традиций психологической школы МГУ (Петренко, 1999). Но на наш взгляд, категория «психологического орудия» в достаточной мере обобщает, абстрагирует и объясняет широкий спектр феноменологии юмора, как в ее современном существовании, так и в истории юмора.

Орудийность человеческой психики определяется тем, что она реализуется в полной человеческой сущности только через речевую деятельность, в которой согласно И.А. Зимней, язык является именно средством (Зимняя, 2001), а строго терминологически психологическим орудием жизнедеятельности. Орудийность человеческой психики тесно связана через слово со смыслом. Хотя на сегодня накопилось множество теоретических и эмпирических исследований юмора, вопрос о связи юмора и смысла может считаться только обозначенным философом Ж. Делезом как проблема юмора

и иронии в контексте логики смысла (Делез, 1995), но никак не решенным. В психологии же проблема связи юмора и смысла даже не обсуждается (напр. Лук, 1975, Мартин, 2009).

Какова же роль смысла в развитии и функционировании личности? По мнению Д.А. Леонтьева: «...развитие личности...нельзя понять с должной полнотой, если не уделять специальное внимание механизмам смысловой регуляции» (Леонтьев Д.А., 1999, с. 282). Нужно подчеркнуть то, что смысловой тип регуляции чаще всего не представлен в системе личностной регуляции и в сознании человека, он сливается 1) с деятельностью, обслуживая ее, 2) со словом и 3) с целеполаганием. Однако, в особых жизненных обстоятельствах смысл «отслаивается» от деятельности или от слова или от цели. Может он превращаться и в психологическое орудие. Родство психологических механизмов смыслообразования и юмора в том, что они выполняют «задачу на смысл», но делают это по-разному. Они по-разному восполняют пробелы формально-логического понимания.

А предметом понимания, согласно философскому анализу проблемы понимания С.С. Гусевым, Г.П. Тульчинским, является нечто «еще не определенное» (Гусев, Тульчинский, 1985, с.117). Понимание имеет задачей положить предел неопределенному, выработать его определение (там же; стр.118). Согласно А.А. Леонтьеву, понимание – это ориентировка, которая обслуживает деятельность (См.: Леонтьев Д.А., 1999, с.389). Согласно же В.В.Знакову, природа понимания субъектна и определяется экзистенцией человека (Знаков, 2005).

Таким образом, «задача на смысл» - это задача не столько логический анализ, сколько на интегрирующее деятельность и жизнедеятельность понимание явлений объектного мира, их отношений, связей с деятельностью и жизнедеятельностью. Это практическая задача. «Теоретической» она становится лишь в неординарных условиях затрудненности текущей деятельности, «критической ситуации» в жизни (основные типы критических

ситуаций выделены Ф.Е. Василюком). Механизмы юмора практически восполняют пробелы понимания, часто замещая ориентировочную деятельность или «застывая» на этой ориентировочной деятельности, что позволяет исследователям рассматривать юмор в контексте «неадаптивной» или «надситуативной» активности в их понимании А.Г. Асмоловым и В.А. Петровским.

Можно было бы говорить о внутреннем родстве, о происхождении из одного источника механизмов смыслообразования и чувства юмора, поскольку они имеют одинаковую цель – понимание и трансляцию понимания. Но на наш взгляд, адекватнее говорить об их внешнем сходстве, поскольку:

- механизмы смыслообразования поддерживают текущую деятельность или жизнедеятельность, а механизм юмора часто дезинтегрирует их кратковременно или долговременно, переводя доминанту регуляции на интегрально-личностный уровень, актуализируя целое личности;
- механизмы смыслообразования всегда осуществляют регуляцию деятельности, жизнедеятельности, личностного состояния по принципу «сверху вниз», от ядерного слоя личности к периферическим, от целого к частному. А механизм юмора может действовать и «снизу вверх»: от биологического (через смех) к идеальному и системно-личностному, от частного к общему или к другому частному;
- механизмы смыслообразования, если решается задача «на смысл жизни» имеют долговременные последствия, интуитивное решение «задачи» закрепляется сознанием. Механизм юмора – ситуативен, кратковременен, эксцессивен. Он лишь подготавливает и делает возможной «личностную интеграцию» (в ее понимании Г. Олпортом (Allport, 1988), осуществляет ориентировку для дальнейшего духовного прогресса;
- механизм юмора компенсирует недостаток понимания или осмысленности, выявляет проблему, но не решает ее. Чтобы проблема решалась, нужно, чтобы

«подключились» механизмы рефлексии, смыслообразования, смыслопорождения и/или творчества и жизнетворчества.

Нужно признать, что, несмотря на нетождественность механизмов смыслообразования и юмора, психологический механизм юмора не имеет феноменологии самостоятельной и независимой от феноменологии смыслов и творчества, разве что в феномене неопределенного юмористического настроения, и в своих эмпирических проявлениях сливается с феноменологией смысла, определения, творчества, общения. В этом кроется парадокс юмора: «Парадокс юмора состоит в том, что чем дальше развивается юмор, тем меньше в нем остается внешне опознаваемых специфических признаков юмора» (Леонтьев Д.А. , 2001, с.160).

По большому счету не существует ни психической нормы юмора, ни культурного стандарта. Юмор может принимать различные психологические формы. Юмор постоянно в развитии. И его развитие зависит и от биологической эволюции психики, и от логики культуры, вплоть до логики смены парадигмальных научных понятий. И хотя нами была поставлена задача поиска культурного стандарта юмора (Домбровская, 2010), она не решена и не решаема. Юмор может принимать те формы, которые описываются характеристиками различных психологических категорий, таких как деятельность, функция, экзистенциальное бытийствование, способность и др.

К деятельностным характеристикам юмора относятся осознаваемая или подсознательная целенаправленность, предметность и наличие структуры у юмористического акта.

К функциональным характеристикам юмора относятся такие, как социальность или конвенциональность юмора, опосредованность особыми психическими состояниями (настроение, эстетизм, диалогичность, рефлексивность) и знаком или понятием «юмор», формирование из натуральной – смех, улыбка и культурной – комический образ.,

регуляторность по отношению к собственным психическим состояниям. Повторим, что в отличие от большинства психических функций, юмор – функция прерывистая, создающая эксцесс регуляции.

Д.А.Леонтьев считает, что главной для форм юмора «является проявляющаяся во всех видах и специфичная для юмора бытийная форма его существования как конкретного проявления «здесь-и-теперь» (Леонтьев Д.А, 2000). Этот момент уникален, эксцессивен и создает свободу и вариативность человеческого существования. Повторенное – не смешно. Недосказанное досказывается в неуловимой межличностной атмосфере юмора. Юмор восполняет пробелы формальной и дедуктивной логики. Юмор вписывается в «логику смысла»: «...юмор – это искусство поверхностей и сложной связи между поверхностями. Начиная с избыточного равноголосия, юмор выстраивает свое единоголосие... - единоголосие Бытия и языка – всю вторичную организацию в одном слове» (Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия - , 1995.стр.298) «Вторичная организация на поверхности языка возвращает что-то из самых глубочайших шумов, глыб и стихий в Единоголосие смысла» (там же; стр.298). Юмор, смех возвращает мир к изначальному хаосу (Д.С. Лихачев), из которого возможно новое развитие, свобода и вариативность личности. Бытийные проявления юмора создают связку юмора и смысла, юмора и творчества. Последнее проявляется в шедеврах мировой культуры и в повседневной жизни людей, как отдушина, всплеск энергии, логика смысла. Повторим, что юмор мог бы развиваться до бесконечности, если б не одно «но». И это «но» - «но» языка. Язык ограничивает юмор – чувством. Говорят не «юмор», а «чувство юмора». То есть юмор поощряется языком как воспринимающая способность. В этом мудрость языка и самоограничение развития юмора. Само языковое бытие юмора задает ему реципроктный, воспринимающий характер. Уникальность, неповторимость, связь со смысловой логикой и языковым бытием являются бытийными, экзистенциальными характеристиками юмора и внимание к ним представляет экзистенциальный принцип развития психологического знания.

Благодаря этим чертам бытийные характеристики юмора смыкаются с вышеописанными его орудийными характеристиками, и последние поглощают бытийные черты юмора. Повторим, что наибольшее родство проявляют юмор и смысл.

Юмор, являясь и способностью человека, использует принципы сравнения, обобщения, переноса, аналогии и т.п. иначе, чем формальная логика. Он по-другому восполняет пробелы понимания, он решает «задачу на смысл» не так, как формальная логика и не так, как смыслообразование. Эмпирических исследований, сравнивающих механизмы смыслообразования и юмора пока нет, но они были бы интересны.

Мы находим родство юмора и смысла в том, что они «обслуживают» понимание и являются механизмами личностной регуляции деятельности и жизнедеятельности. Различия же в том, что это разные психологические механизмы с разными принципами регуляции.

Методологически родство юмора и смысла в том, что они оба обобщаются категорией «психологического орудия». В той мере, в какой смысл осознан и произволен он является орудием воздействия человека на самого себя, на свой внутренний мир, то есть средством саморегуляции и саморазвития. Когда же речь идет о влиянии, то есть трансляции смысла, смысл всегда является орудием. И «удвоенным» орудием, когда речь идет о трансляции смысла юмора.

Итак, категория «психологическое орудие» является обобщающей для ряда психологических понятий. Само же это понятие входит в парадигму, задаваемую понятием регуляции. Использование орудия имеет цель – и цель эта состоит в воздействии, то есть регуляции социальных отношений, своих отношений с жизненным миром или в саморегуляции. Однако, высоко ценя научную категорию «психологического орудия», в последующих главах мы

чаще используем слово «средство», чтобы не провоцировать смысловые ассоциации слова «орудие» с некой войной или трудом, хотя они и имеют смысл. Используем слово «средство» также и потому, что научное понятие «средство» обладает еще большей методологической нагрузкой (см. Федоров, 2012). Так, согласно Федорову, средство служит промежуточным звеном между объектом и субъектом. Превращение средства в предмет исследования задает основную характеристику неклассической парадигмы науки. Постнеклассическая же парадигма акцентирует триаду субъект – средство – объект. В нашей работе о юморе как средстве регуляции, мы акцентируемся на средстве. Но рассматриваем его таким образом, что переходим от неклассической парадигмы к постнеклассической и даже в некоторой степени восстанавливаем традицию классического знания, в центре которого – объект. Само употребление нами понятия орудия – это уже восстановление классической традиции, поскольку средство как орудие – это уже «вещь», но особого рода: материальная вещь, порожденная из идеального психического состояния механизмами отчуждения психического в рефлексивно и произвольно используемое орудие, средство воздействия на себя и других. О механизмах отчуждения как материализации идеального будет сказано в 3 главе. Здесь же скажем, что науке необходимо восстановление прерванной классической традиции, акцентирующей объектность мира, и наше исследование юмора в некоторой степени это осуществляет.

Что касается возможности прикладных исследований юмора как психологического орудия личностной регуляции, то мы видим ее прежде всего в социальной психологии и психологии саморегуляции. Но считаем, что наиболее актуальным продолжением ведущейся нами работы по развитию теории юмора, был бы анализ юмора как способности в контексте проблемы усвоения и развития культурно-исторически сложившейся формальной логики и способов сравнения, различения, выявления отношений, обобщения, переноса отношений и обобщений и т.п.. Способности же отражаются в степени овладения способами деятельности. И обобщающей

категорией для так понимаемых способностей опять же была бы категория психологического орудия.

1.2.2. Юмор как межуровневая эмоция

В классической психологии юмор считается эмоцией (Изард, 1999, Лук, 1982 и др.). Однако существует и другая точка зрения, с позиции которой юмор полагается интеллектуальным чувством (Рубинштейн, 1993, Лук, 1975, Ильин, 2001). Эта точка зрения позволяет выделять составляющие юмора, которые обозначаются как аффективная и когнитивная (напр. Бороденко, 1995). Возможно, что уход от классической трактовки юмора как эмоции произошел «из-за существующей терминологической неоднозначности в психологии эмоций» (Вилюнас, 1993, с. 5), из-за которой «важно учитывать условность названий и решать вопрос об их соотношении не по внешнему звучанию, а на основе тщательной проверки того, что именно они обозначают» (там же).

Проблема категоризации юмора как эмоции затрагивает целый ряд методологических проблем. Это проблемы соотношения и иерархии понятий в психологии эмоций, роли и ипостасей представленности эмоций в сознании, операционального определения юмора в контексте эмоций. Но мы предполагаем, что отход значительного числа исследователей от трактовки юмора как эмоции произошел еще и по другой причине - по причине принципиального разнообразия форм существования юмора, при котором форма существования юмора в качестве эмоции является далеко не доминирующей, во всяком случае в современности. В соответствии с выше представленным пониманием проблемы юмора мы считаем необходимым продолжить анализ того, чем, кроме эмоции является юмор, в каких ипостасях существует, какими психологическими понятиями категоризуется и обобщается, а также провести анализ того, на каком уровне аффективного психического отражения действительности юмор осуществляется, почему в

речи закрепились именно идиома «чувство юмора» и обоснование того, почему в контексте психологии эмоций наиболее достоверным является говорить об эмоциональной ткани юмора или «комического образа», а не о «чувственной ткани» или эмоциональной, аффективной составляющей

Провести этот анализ позволяет методология культурно-исторической психологии, включающей историко-эволюционный подход (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Г. Асмолов) и деятельностно-смысловой подход (А.Н. Леонтьев, Ф.Е. Василюк, Д.А. Леонтьев), которые выросли из одного идейного источника, но часто расходятся в конкретно-научных исследованиях. При этом, мы заимствуем не столько отдельные положения, сколько их идейные традиции. Ими, в нашем понимании, прежде всего являются: а) идея эволюционирования психического отражения в предыстории и истории вида "человек", б) идея биологического смысла усложнения, интеграции и дифференциации психических функций, структур, процессов и психологических реальностей в) идея определяющей роли сознания в развитии функций, структур, процессов.

Психологические формы существования юмора

Как показывает анализ обобщающих работ по юмору (Лук, 1975; Дземидок, 1975; Roeskelein, 2002; Мартин, 2009; Иванова, Ениколопов, 2006 и др.) проблема юмора в психологии находится на стадии дезинтеграции знания, когда эмпирические исследования доминируют над теоретическими, а в теории - классификации доминируют над обобщениями. При этом заметна тенденция отхода от традиции трактовки юмора как эмоции, начатой Ч. Дарвином (Дарвин, 2001) и закреплённой К.Изардом (Изард, 1999). Повторим, что Е.М.Иванова, С.Н.Ениколопов, классифицируя психологические исследования чувства юмора, выделяют следующие «аспекты предмета изучения», то есть чувства юмора, которые трактуются нами как

психологические формы существования юмора: психофизиологическая реакция, психологическая функция, психологическая защита (защитный механизм или копинг), черта личности (Иванова, Ениколопов, 2006). Нами обосновано существование юмора в качестве высшей психической функции по Л.С. Выготскому (Домбровская, Леонтьев, 2000, Домбровская, 2010в), описаны функциональные, деятельностные и бытийные формы существования юмора (Домбровская, 2010а), обоснована правомерность обобщения всех форм существования юмора категорией «психологического орудия» (Домбровская, 2010д). Но классическая проблема существования юмора как эмоции остается открытой. И она обостряется тем, что в языке закрепились идиома «чувство юмора». Чтобы решить проблему существования юмора как эмоции необходимо обратиться к проблеме развития психики в филогенезе. Только при историко-эволюционном подходе возможно объяснить разнообразие форм существования юмора и проанализировать принципы формирования эмоциональной ткани юмора.

Эмоции как мотивационные структуры и как формы психического отражения

На сегодня классическому объединению проблем эмоций и мотивации несколько противостоит подход, объединяющий проблематику эмоций и когний (Симонов, 1970, Шингаров, 1971), а также эмоций и психического отражения (Леонтьев А.Н., 1975, Зинченко, 1991, Василюк, 1993). В последнем активно используется понятие «чувственной ткани» психического образа. Анализ показывает, что слово «чувственный» в понятии «чувственная ткань» более обозначает ощущение, чем чувство как таковое. Л.Я. Дорфманом развивается понятие «эмоциональной ткани» (Дорфман, 1997), которое характеризует собственно эмоциональный пласт сознания.

Чтобы понять суть юмора необходимо не просто позаимствовать понятие «эмоциональной ткани», но необходимо рассмотреть филогенез этой «ткани» сознания. Эмоциональная ткань возникает на определенном уровне развития психики, на определенном уровне развития психического отражения в процессе развития деятельности.

Психическое отражение – это предмет исследования докторской диссертации А.Н.Леонтьева. Качественные характеристики психического отражения – это критерий развития психики животных (Леонтьев А.Н.,1994, с.112). Однако, на сегодня теория психического отражения развивается не в полной мере. Сам А.Н. Леонтьев сместил центр внимания с проблемы психического отражения на проблему деятельности. А теория развития отражения трансформировалась в направления исследований порождения психического образа и психолингвистических исследований. Обосновано это тем, что само понятие отражения традиционно имеет смысл простого «воспроизведения» действительности в восприятии и сознании человека. Однако, в истории человечества на всех уровнях существования человека все более проявляется тенденция перехода от воспринимающей и отражающей формы существования к форме конструирующей (Асмолов, 2001, Петренко, 2010 и др.), доходящей до принципа ноотехники как основания жизнотворчества по Д.А.Леонтьеву (Леонтьев, Д.А., 2012). При этом в психологии понятие отражения вытесняется понятием конструирования. Это, кроме того, что отражает тенденции существования современного человека, отражает возможности двух различных форм или регистров бытия по Мамардашвили (см. Леонтьев Д.А., 2011а), которые условно можно назвать разными формами существования психического – 1) воспринимающими, рецептивно-отражающими, реактивными и 2) деятельностными, конструирующими, творческими, различие которых и обуславливает различие классических и неклассических представлений о психической реальности. На наш взгляд, понятие отражения ни в коей мере не устарело, охватывает в своем широком смысле две эти формы существования психического и требует

дельнейшего осмысления, вариант которого предлагается в главе 4. Нам видится актуальным и значимым рассмотреть филогенез чувства юмора именно в контексте проблемы психического отражения.

Развитие эмоций как формы психического отражения в филогенезе: структура и функции

Согласно А.Н.Леонтьеву, психическое отражение в филогенезе по качественным характеристикам проходит через стадии элементарной сенсорной психики, перцептивной предметно ориентированной психики и через стадию интеллекта (Леонтьев А.Н., 1994). Как отмечает Д.А. Леонтьев, в работах А.Н.Леонтьева присутствует еще «нулевой» уровень развития психики – уровень раздражимости (Леонтьев Д.А.,1999, стр.273), который создает возможность биологической эволюции. В книге «Проблемы развития психики» (Леонтьев А.Н., 1959) и из представленных в сборнике «Философия психологии» фрагментов докторской диссертации вычитывается еще диалектика и динамика взаимодействия структуры и функции. Причем анализ показывает, что задает развитие не структура психики, а функция. Какое отношение имеет это к проблеме филогенеза эмоций? Прежде всего - то, что становится возможным поставить вопрос о том, когда в филогенезе возникает возможность выделения эмоций в относительно автономную функцию и когда происходит становление структуры эмоционального. Это вопрос на данный момент не решенный. Можно предположить, что эмоции как функция оформляются вместе с интеллектуальной функцией при их дифференциации на стадии интеллекта у сложно организованных млекопитающих. Возможно, что и раньше, вместе с формированием функции индивидуальной осмысленности саморегуляции, поскольку «... отражение в психике животных смысловых характеристик объектов и явлений окружающей среды первично по отношению к возможности чисто познавательного отражения, то есть отражения ими свойств окружающего мира, имеющих косвенное, более

опосредованное отношение к их жизнедеятельности» (там же). Структура эмоциональности, в отличие от функции эмоций, скорее всего, оформляется только у человека, хотя возможно, что и у высших приматов.

Уровни и типы эмоциональности в филогенезе юмора

Чувство юмора у животных отсутствует, но налицо экспрессия смеха и улыбки (Дарвин, 2001). А смех и улыбку К. Изард рассматривает как разновидности эмоций, располагая их в одном ряду с юмором (Изард, 1999, стр.132-137). На наш взгляд правомерно предполагать, что биологические предпосылки становления смеха и улыбки различны: смех возникает на основе общей раздражимости, а улыбка на основе собственно способности к психическому отражению на стадии перцептивной психики, когда воспринимаются уже не отдельные сенсорные характеристики мира, а целостный предмет и формируется психический образ. Когда речь идет о психике человека, то согласно принципу «напластования» психического (Л.С. Выготский), у человека представлены все 4 стадии развития психики в филогенезе, причем в качестве уровней психического. Когнитивные образы, как и эмоции, у человека могут формироваться на всех уровнях психического по отдельности или взаимодействуя и накладываясь друг на друга, могут образовываться и межуровневые связи и структуры. Когда идет речь об уровнях эмоциональности у человека, целесообразно выделять уровень раздражимости, уровень ощущений (соответствующий поэлементной сенсорике по А.Н.Леонтьеву), уровень собственно эмоций или опредмеченных чувств, выражающий отношение к предмету восприятия, и уровень переживания, где чувства выступают как деятельность, что показано Ф.Е.Василюком (Василюк, 1984). Возможен еще пятый уровень эмоциональности, в котором эмоция осуществляется как ценность (Додонов, 1978). Когда эмоция дорастает до уровня ценности, начинается ее сознательное и произвольное культивирование во внутреннем мире и активное

транслирование другим людям и социуму в целом. Другими словами, начинается объективация эмоции и ее отчуждение в сферу идеального. При этом юмор выступает как деятельность по созданию юмористического. Возможно это в творчестве и житнетворчестве (в его понимании Д.А. Леонтьевым(Леонтьев Д.А., 2012). Понятие эмоций сохраняется в двух аспектах: как название определенного уровня осуществления эмоций и как название всей сферы эмоционального. К. Изард считает неспецифичным и обобщающим понятием для обозначения всей эмоциональной сферы термин «аффективное» (Изард, 1999), но понятие аффекта имеет еще смысловой оттенок из сферы психопатологии, поэтому в качестве обобщающего термина сложилась традиция использовать термин «эмоция». Что касается соотношения понятий «эмоция» и «эмоциональная ткань», то вопрос это сложный, переходящий в вопрос о существовании отдельных эмоций или совокупных эмоциональных комплексов. На наш взгляд, понятие «эмоциональной ткани» отражает феномен вторичной интеграции эмоций, ранее дифференцировавшихся в филогенезе из потенциальной эмоциональности или даже ранее из биологического смысла деятельности. Понятие эмоциональной ткани более, чем понятие эмоций, подходит для характеристики сложных когниций типа восприятия искусства или юмора, комического образа, которые сформировались у вида "Человек" в ходе его истории. Сам юмор можно считать специфическим способом эстетизации действительности (Домбровская, 2010).

Согласно С.Л. Рубинштейну, «чувства комического, юмора, иронии, сарказма – это все разновидности смешного» (Рубинштейн, 1989а, с. 171). Подчеркнем, что если М.М. Бахтин, анализировал в основном деятельность, так сказать «производства смеха», то С.Л. Рубинштейн акцентировал аспект восприятия, рецепции смеха. Для него смешное – это особое эмоционально окрашенное восприятие, обусловленное особенностями человека как субъекта.

Анализируя стадии и уровни развития эмоциональности, С.Л. Рубинштейн говорит о том, что над уровнем органической аффективно-эмоциональной чувствительности надстраивается уровень предметных чувств, соответствующих предметному восприятию и предметному действию (там же, с.167). Такими, по С.Л. Рубинштейну, чаще всего являются чувства любви и ненависти (с.169-170). А над ними, в свою очередь, надстраивается тот уровень, который он определяет как «мировоззренческие чувства», «аналогичные по уровню обобщенности абстрактному мышлению» (там же, стр.170). С.Л. Рубинштейн называет среди мировоззренческих чувств такие как чувство юмора, иронии, чувство возвышенного, трагического и т.п. Отнесение разновидностей чувства смешного к мировоззренческим чувствам роднит С.Л. Рубинштейна с М.М. Бахтиным и американским психологом Г. Олпортом, связывающим юмор с наличием жизненной философии. Важна и характеристика чувств, выделенная К.К. Платоновым – существование в чувствах понятийного компонента (Платонов, 1986, с.42), что позволяет перейти от отражения как простой рецепции внешних воздействий к их культурным формам. В развитии эмоциональности, как и в развитии личности, можно выделять и то, что К.К.Платонов называет уровнем направленности, когда возникает отношение к отражаемому фрагменту мира на основе опыта (Платонов, 1986, с.138).

Юмор наиболее проявляется именно как отношение к миру как к целому. По С.Л.Рубинштейну, «чистый юмор означает реалистическое «принятие мира» со всеми его слабостями и недостатками...» (Рубинштейн, 1989а, с.171), то есть и тем, что называют «адекватным» переживанием.

Повторим, что обобщенные чувства, к которым С.Л. Рубинштейн относит чувство юмора, иронии, чувство возвышенного, трагического и т.п., выражают более или менее устойчивые мировоззренческие установки личности (там же). Они соответствуют уровню деятельностного переживания, когда эмоциональная реакция вызывается не только внешним миром, но и внутренними установками и мотивами, и регулируется межуровнево. О

возможности формирования межуровневых структур интегральной индивидуальности говорит А.И.Щебетенко (Щебетенко, 2007), однако о межуровневости эмоциональной регуляции поведения, деятельности и жизнедеятельности пока еще никто не говорил. Между тем, сложные, составные, культурно-исторические чувства типа ностальгии, несексуальной любви, неагрессивной ненависти и юмора, скорее всего, даже возникают как межуровневые феномены. Так, юмор может возникнуть между уровнем раздражимости от смеха и уровнем ценности предмета юмора. Юмор может возникнуть между уровнем ощущения нелепости или несоответствия в предмете и уровнем собственно чувства юмора как принятия предмета юмора. Юмор может возникнуть между уровнем ощущения Бытия и деятельностного переживания комичности этого Бытия. Возможны и другие межуровневые связи эмоций и их межуровневые структуры.

При каждом здоровом проявлении эмоции юмора у нее есть предметная отнесенность. У юмора не всегда есть цель (которая, как известно, характеризует любую деятельность), но всегда есть предмет, поэтому юмор всегда связан с психическим отражением. Что бы не вычленилось в объекте как предмет юмора – безобразия, нелепость, несоответствие, противоречие, ненормативность – это всегда восприятие или рецепция этой нелепости, несоответствия и т.д. в объекте. Возможен и активный поиск восприятий, окрашенных юмором, как возможна вообще и «гонка за эмоциями». Таким образом, к характеристике предметной отнесенности юмора добавляются характеристики субъектной активности, как внешне, так и внутренне направленной.

Повторим, что термин «чувства» наиболее подходит к уровню опредмеченных эмоций и тогда является синонимом термина «собственно эмоций». Сложившаяся в языке идиома «чувство юмора» фиксирует предметную отнесенность юмора, без которой юмор не юмор, а ощущение или настроение. Одноуровневые ощущение и, вызываемые им смех или улыбка могут считаться эмоцией, но собственно юмором не являются.

Юмор, смех, улыбка на элементарно сенсорном уровне, как и на уровне простой раздражимости, скорее относятся к психопатологии и могут быть названы «аффектом» в узком смысле этого понятия. На уровне же мировоззренческой установки (по С.Л.Рубинштейну) или переживания (по Ф.Е.Василюку) юмор активен, субъектно обусловлен и ведет к продуктивному творчеству или жизнотворчеству. При этом понятие межуровневого переживания более полно характеризует деятельностный уровень чувства юмора, чем понятие установки, и поскольку последнее затрагивает одновременно и бессознательное, и интеллектуальное в человеке, то есть выходит за рамки теории эмоций, и поскольку установка – чаще одноуровневая и задается одной субдоминантой как очагом возбуждения по А. А. Ухтомскому без подключения фоновой субдоминанты. О межуровневости регуляции и межуровневости как принципе развития будет говориться подробнее в главе 3.

Логический анализ подходов к изучению эмоций

Уровни эмоциональности создают определенный уровень психологической реальности и создаются определенным уровнем психологической реальности. Однако для логического анализа существующих концепций эмоций выделения только уровней недостаточно. Необходимо еще и выделение типов. Оно сделано нами на основе различения эмоции как формы отражения и как мотивационной структуры. Но и это различие видится нам недостаточным, так как в его основе лежит более фундаментальное методологическое различие – различие и в психологических подходах: когнитивизма и деятельности, что ведет даже к противостоянию этих подходов в психологии, по крайней мере, в выделение когнитивной психологии в самостоятельную отрасль знания. Противостояние это снимается классическим, восходящим к А.Н.Леонтьеву,

пониманием категории деятельности как основы психического. А также различением двух основных форм деятельности – деятельности когнитивной, в основе которой психическое отражение и энтропия психического, и деятельности производящей, в основе которой – созидаящая мотивация и энергия. С учетом вышесказанного современное знание об эмоциях структурируется следующим образом:

Таблица «Логический анализ подходов к изучению эмоций»

Тип деятельности ----- Уровень реальности	Рецепция/реактивность (Восприятие, отражение, интроекция)	Производство / активность (Мотивация, проекция)
Ценность	Эмоция как ценность (Додонов)	Жизнетворчество (Леонтьев)
Переживание	Переживание как деятельность (Василюк) Дорфман	«эмоциональный комплекс» (фредизм), эмоция (Вилюнас)
Чувство (собственно эмоция)	Изард	Изард
ощущение	чувств. Ткань (Леонтьев А.Н., Василюк)	психопатология

раздражимость	Биодинамическая ткань (Зинченко В.П.)	биодинамическая ткань (Зинченко В.П.)
---------------	--	--

Таблица заполнена нами не в полной мере, но она охватывает практически все теории эмоций и представляет собой некую «структуру знания». Что касается классически выделяемых чувств в дифференциальной теории эмоций, то нужно сказать, что практически все чувства могут переживаться по обоим типам и по всем пяти уровням. Однако, у каждого чувства есть сложившийся и культивируемый тип переживания. Так для чувства юмора стандартен тип реактивности, восприятия (отражения) на уровне собственно эмоций. Для ностальгии, проанализированной Фенько (Фенько, 1993), уровень переживания и тип производства, для горя, проанализированного Ф.Е. Василюком (Василюк, 1988 – тип восприятия и уровень переживания. Любовь может осуществляться на всех уровнях по обоим типам, но на наш взгляд в современности ей характерен уровень активной ценности. Гнев переживается как производная, мотивационная эмоция на уровне ощущения. Посредством логического анализа теории и эмпирии эмоций возможно полнее заполнить вышеприведенную таблицу, и она представляла бы уже не систему знания о юморе, а систему экзистенции эмоций.

Эмоциональная ткань и предметный образ в чувстве юмора

Чувство юмора на уровне собственно чувств или собственно эмоций создает «эмоциональную ткань» юмористического образа. В своей концепции эмоциональной ткани искусства Л.Я. Дорфман определяет эмоции следующим образом: «В целом же эмоция есть двухкомпонентный эмоциональный гештальт. Он складывается из отражаемого содержания и собственно эмоционального переживания...» (Дорфман, 1997, стр. 146). Таким образом, сам Л.Я. Дорфман определяет эмоции в искусстве на уровне деятельностного

переживания, что согласуется с пониманием восприятия искусства как деятельности. Однако, когда речь идет о юморе, мы полагаем, что эмоциональная ткань «вырабатывается» на уровне предметных чувств, лишь изредка дорастая до уровня деятельностного переживания. Во всяком случае, таков культурный стандарт, закрепившийся в языке в выражении «чувство юмора» (Домбровская, 2010б).

Понятие «эмоциональной ткани», впрочем, как и понятие «чувственной ткани», хороши еще тем, что поднимают вопрос о том, из чего эта ткань или ткань чего. С нашей точки зрения, это ткани сознания. А.Н. Леонтьевым в контексте теории деятельности были выделены следующие образующие сознания: личностный смысл, значение и чувственная ткань (Леонтьев А.Н., 1975). Ф.Е. Василюк акцентировал, что в качестве единицы сознания выступает образ, а леонтьевские составляющие сознания выступают как его структура (Василюк, 1993). Нами обосновано, что юмор в культурогенезе сознания формируется по закономерностям развития высших психических функций по Л.С. Выготскому из натуральных, биологических составляющих или эмоций смеха и улыбки в ходе их встречи с культурной составляющей – «комическим образом» (Домбровская, 2010 в). Юмор формируется как вторичная интеграция в более ранней эволюции дифференцировавшихся функций эмоциональности и образности. Он выступает как особый вид психического отражения, интегрирующий эмоции и образ, биологическое и культурное. Нужно отметить, что сформировавшись как функция, юмор закрепляется в сознании как его структура или психологический механизм или аффективно-когнитивная структура по К. Изарду (Изард, 1999, стр.7): «Теория дифференциальных эмоций рассматривает юмор как особый тип аффективно-когнитивного взаимодействия» (Изард, 1999, стр.137). В культивируемых стандартах юмора задает стандарт юмора именно комический образ, а не аффект или экспрессия смеха и/или улыбки, что отражается в народной мудрости: «смех без причины – признак дурачины». Юмор выступает как функция сознания, а не как функция аффекта: «юмор - высшая психическая

функция развитого сознания и самосознания человека» (Домбровская, Леонтьев, 2000, с. 454). При этом сознание выступает как структура, реализующая функцию, которая сама превращается в структуру, которая может дорасти до способности, предрасположенности, установки, даже черты личности.

Суть юмора «в своеобразном отрицании, инверсии или расшатывании тех или иных атрибутов того, что выступает как объект юмора» (Там же). Атрибуты объекта юмора выступают в сознании как комический образ. При этом одновременно воспринимаются и атрибуты объекта, и сам объект. Их качественное несовпадение создает комизм образа и вызывает смех и/или улыбку. Двойственность комического образа порождает юмористическое отношение, личностный смысл которого заключается в возможности индивидуальной и видовой трансценденции закономерностей, задаваемых объектным реальным миром за счет несовпадения образа объекта и образа его атрибутов. А значение фиксируется словом «юмор» как определенностью несерьезного (здесь нереалистического) отношения к объекту юмора. Атрибуты объекта юмора выступают как его предмет. Повторим, по культурному стандарту юмор существует только как опредмеченная эмоция, предметно отнесенная «чувственная ткань», то есть «эмоциональная ткань». И если для психолингвистических исследований, где исследуется слово или символ, более подходит понятие «чувственной ткани» как психического отражения на уровне ощущения, то для анализа искусства или юмора более адекватным оказывается понятие «эмоциональной ткани» как психического отражения на уровне предметных чувств. Понятие же «биодинамической ткани», введенное В.П.Зинченко (Зинченко, 1991) остается как обобщающее для вышеназванных обоих понятий и подчеркивающее не виртуальный, а материальный характер психического образа, оно выводит в проблему эволюции живого.

Юмор эволюционирует и как психическая функция и как психическая структура. Наблюдается все больший переход от реактивных к активным и

произвольным формам юмора, в которых комический образ произвольно конструируется и транслируется другим. В понятии «биодинамической ткани» заложена идея активности, произвольности психического образа, его деятельностная природа. Юмор все более выступает как «психологическое орудие» личностной регуляции, где образ регулирует и смысл, и эмоциональную ткань переживания, а значение-конвенция в виде слова-метки «юмор» регулирует систему межличностных отношений, создавая особую юмористическую реальность общения.

Юмор эволюционирует в культурогенезе от генетически исходно простой эмоции, выполняющей согласно К. Лоренцу, агрессивную и/или сексуальную ритуальную функцию во взаимодействии животных (Лоренц, 1994), в структуру сознания в виде составной сложной «эмоциональной ткани» по Л.Я. Дорфману, и приобретает все более позитивную окраску, что позволяет К. Изарду рядопологать смех и радость. Затем в истории происходит вторичная трансформация юмора в функцию специфического отражения и деятельность по регуляции субъективной и объективной реальности. Как объясняет Х.Лэфкур, «трансформация изначально негативных смеха и юмора в добродетельную и терапевтическую ценность может отражать изменения в отношениях между людьми, произошедшие на протяжении веков» (Lefcourt, 2001, p.36). Согласно этому высказыванию юмор дорастает до ценности. По Б.И.Додонову – это эмоция-ценность. М. Рокич включает юмор в состав инструментальных ценностей жизнерадостность, связанную с юмором (Леонтьев Д.А., 1992). Но, даже существуя на уровне ценности, юмор не теряет исходную эмоциональность и она проявляется в виде «эмоциональной ткани» того, что воспринято как комический (юмористический) образ. Экспертиза же эмоциональной ткани комического образа возможна с использованием методов ее исследования, описанных Л.Я.Дорфманом (Дорфман, 1997). Мы считаем, что необходимость в такой рекламе чаще всего возникает в коммерческой и политической рекламе с использованием юмора, при выходе на телевидении новых юмористических

программ, для того чтобы определить то, что специалисты по гуманитарной экспертизой называют «закономерной реакцией» (Иванченко, Леонтьев, 2008). В случае полной стандартизации методики Л.В. Куликова «профиль чувств в отношениях» возможно ее использование в экспертизе отношения к юмористическим образам, так как кроме степени выраженности отдельных чувств, автором предложена их классификация на чувства гедонистические, астенические, меланхолические, а также чувства сближения и отдаления. Выраженность последних двух групп чувств может способствовать оценке привлекательности для покупки рекламируемого с юмором товара или вероятность отказа от него. Аналогичный метод может быть применен к оценке политических юмористических и серьезных образов с целью прогноза закономерно вызываемых ими массовых настроений. Подробнее о настроениях в главе 6.

Заключение по главе 1.

Методологический анализ подходов к изучению юмора показывает, что интегрировать и синтезировать разнообразие подходов позволяет методология и теория культурно-исторической психологии. Исторический анализ позволяет проследить, как изменяются контексты осмысления смеха и юмора от проблемы смеха как сущностно человеческой характеристики человека (Аристотель) до понимания юмора как характеристики, интегрирующей личность (Олпорт) и характеристики, связанной со смыслом (Делез). Логический анализ позволяет выделить уровни (реакция, функция, механизм, черта личности, социальный феномен) и типы (реактивный и активный) юмора. Теоретический анализ позволяет обосновать то, что родовым понятием, обобщающим все формы существования юмора, является понятие психологического орудия.

Анализ юмора в контексте проблемы эмоций позволяет различить психологические формы существования юмора как мотивационной структуры и формы психического отражения, а также обосновать сочетание в юморе его эмоциональной ткани и комического (юмористического) образа.